

ны-самадзельны (вытканы ў хатніх умовах), дамаатканка-саматканка (спадніца з самадзельнага сукна) і інш.

Састаўныя тэрміны ўступаюць у сінанімічныя адносіны, калі яны супадаюць па колькаснаму складу знамянальных слоў і па значэнню: *адваротны бок-левы бок* (ніз палатна), *ладзіць кросна-строіць кросна* (рыхтаваць ткацкі станок для работы), *збівацца ў хахлушы-гнацца хахламі* (так кажуць, калі палатно тчэцца кучкамі) і інш. Аднакаранёвыя словы сінанімізуюцца з аднакаранёвымі: *зуслон-лаўка* (сядзенне для ткалі), *кросна-вярстак* (ткацкі станок), *лазня-сушня* (збудаванне, дзе сушаць лён), *вяршкі-галаўкі* (верхняя частка сцябла льну) і інш.

Што датычыцца ўнутранай формы сінонімаў, то адрозніваецца, прынамсі, два іх віды. Сінонімы першага віду звязаны адносінамі да прымет матывацыі, якія абазначаюць гэты прадмет. Другі від унутранай формы адзначаецца ў слоў з пераносным значэннем.

Прыметы матывацыі ў адных сінонімаў могуць выяўляцца з дастатковаю відавочнасцю, у другіх — або быць у скрытым выглядзе, або зусім страчваюцца. Сярод тэрмінаў дамашняга ткацтва выдзяляюцца група сінонімаў з рознымі прыметамі матывацыі: *хада-дарожка* (вытканы вузкі доўгі дыван), *выццральнік-ручнік* (кавалак тканіны, спецыяльнага вырабу для выцірання твару, рук, цела), *бакавіны-стаякі* (бакавыя часткі ткацкага станка) і група сінонімаў, якія супрацьпастаўляюцца адзнакай наяўнасці/адсутнасці прымет матывацыі: *настольнік-сурвэтка* (кавалак тканіны спецыяльнага вырабу, якім засцілаюць стол), *стаякі-дылі* (бакавыя часткі ткацкага станка) і інш. Ва ўсіх словах-сінонімах першай групы і ў словах другой групы, прыведзеных у сінанімічных радах, захавана прымета матывацыі з дапамогаю словаўтваральнай сувязі з зыходнымі лексемамі (параўн. *стол, стаяць*).

Унутраная форма ў словах з пераносным значэннем захоўваецца дзякуючы семантычнай сувязі з прамым значэннем той формы слова, на базе якой адбылося ўтварэнне новага значэння. У гэтым выпадку трэба адрозніваць словы з несупадаючымі пераноснымі значэннямі — *каткі-сабачкі* (прылада ў кроснах), *баран-валы* (прыстасаванне для прасушвання пражы), *лісічка-ігліца* (прыстасаванне, пры дапамозе якога робяць петлі для ткацкага станка), а таксама сінонімы з наяўнасцю/адсутнасцю пераносных значэнняў — *трубка-сувой* (скручаны кавалак палатна), *ліцо-верх* (добры бок тканіны), *хвост-канец* (канец асновы, дзе яна не лічыцца). Словы *сувой, верх, канец* маюць прамое значэнне, а сінанімічныя з імі лексемы *трубка, ліцо, хвост* — пераноснае значэнне, заснаванае на розных відах сувязі з зыходным значэннем гэтых жа форм слоў.

Разнастайныя і шматлікія сінанімічныя адносіны, якія ўзнікаюць на базе фармальнага адрозненняў слоў, з'яўляюцца, па ўсёй верагоднасці, вынікам семантычных несупадзенняў гэтых слоў, што сведчыць аб дастаткова тонкай і дакладнай дыферэнцыяцыі тых рэалій і паняццяў, якія адносяцца да беларускай народнай тэрміналогіі ткацтва — гэтаму старажытнаму віду дамашняга рамяства беларусаў.

Л. Г. МОЩЕНСКАЯ

**ВАРИАНТЫ ФЛЕКСИЙ -у И -е
В ПРЕДЛОЖНОМ ПАДЕЖЕ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА
В РУССКОЙ РЕЧИ БЕЛОРУСОВ-БИЛИНГВОВ**

В русском и белорусском языках, наряду с флексией -е, в п. п. ед. ч. существительных м. р. функционирует флексия -у, но параметры ее употребляемости не совпадают в обоих языках.

Первый параметр **лексико-грамматический**. В белорусском языке образование форм на -у регламентируется лексико-грамматическими показателями имени (собственное, нарицательное, конкретное, отвлечен-

ное, личное, неличное). В русском языке такая полная зависимость не проявляется. Например, в русском языке флексия *-у* в п. п. фиксируется у неодушевленных существительных, в то время как в белорусском языке ее могут принимать все личные нарицательные существительные и с некоторыми ограничениями собственные имена и прозвища.

Второй параметр **лексико-семантический**. В русском языке функционирование форм на *-у* ограничено. Эту флексию принимают существительные, называющие пространство, которое может быть вместительным чего-нибудь, или поверхность, на которой что-нибудь находится; вещество или массу; собрание людей или предметов, а также некоторые слова, называющие действия, состояния или периоды времени¹. В белорусском языке такие узкие лексико-семантические рамки отсутствуют. Кроме того, в русском языке употребление форм на *-у* и *-е* часто связано со специализацией их значений в лексемах, а также с процессом фразеологизации и онаречивания отдельных предложных сочетаний с флексией *-у*. В белорусском языке круг лексем с разными значениями форм на *-у* и *-е* практически не существует. В грамматических описаниях белорусского языка настойчиво приводятся только лексемы *вугал*, *рог*, у которых формы на *-у* и *-е* в зависимости от дистрибуции приобретают разные значения². Количество онареченных и фразеологизированных сочетаний с флексией *-у* в белорусском языке также незначительно.

Третий параметр **морфонологический**. В русском языке основа имени существительного не определяет образование форм на *-у* в п. п., в то время как для белорусского языка она является одним из основных условий. В белорусском языке существительные с основой на твердый согласный в п. п. имеют флексию *-е*, в русском языке здесь сосредоточен основной корпус слов с флексией *-у*. В русском языке 25 лексем с основой на *г, к, х* образуют в п. п. формы на *-у*³, в белорусском языке эту флексию приобретает основной массив существительных с данной основой. В русском языке 11 существительных с основой на мягкий согласный могут иметь в п. п. флексию *-у*, в белорусском языке формы на *-у* в данной группе имен нормативно не употребляются.

Четвертый параметр **структурно-акцентный**. В русском языке формы п. п. на *-у* образуют существительные, главным образом, с односложной основой, с ударением на основе в формах ед. ч. и в и. п. мн. ч., причем флексия *-у* всегда находится под ударением. В белорусском языке эти факторы не являются определяющими для флексии *-у*.

Пятый параметр **структурно-компонентный**. В русском языке формы на *-у* в п. п. существительных могут функционировать лишь в сочетании с предлогами *в* и *на*, в белорусском языке — в конструкциях со всеми предлогами, употребляющимися в п. п.

Шестой параметр **синтаксический**. В русском языке существительное в сочетании с прилагательным предпочтительно употребляется в п. п. с флексией *-е*. В белорусском языке этот фактор отсутствует.

Седьмой параметр **стилистический**. В русском языке формы на *-е* обычно имеют оттенок книжности или нейтрально-литературной речи, формы на *-у* — разговорную или просторечную окраску⁴. В белорусском языке стилистические разграничения в употреблении флексии *-у* проявляются не столь значительно.

Восьмой параметр **вариантный**. В русском языке флексии *-у* и *е* в п. п. существительных м. р. характеризуются как неравноправные варианты, причем флексия *-у* является периферийной, маркированной. В белорусском языке флексия *-у* является равноправным вариантом других флексий п. п., функционирование которой так строго разграничено, что употребление другой флексии вместо флексии *-у* характеризуется как отклонение от литературной нормы.

Девятый параметр **динамический**. В русском языке корпус слов, принимающих в п. п. флексию *-у*, активно сокращается. В начале XX века В. И. Чернышев приводил около 150 имен существительных, которые могли иметь в п. п. флексию *-у*⁵. Грамматика-60 ограничивает этот спи-

сок 136 лексемами. «Грамматическая правильность русской речи» (сокр. ГП) сокращает этот список до 114 лексем. В белорусском языке только проявляется тенденция к сокращению употребления флексии *-у*. И это, на наш взгляд, является не столько результатом внутренней перестройки в системе грамматических отношений (функционирование флексии *-у* четко зависит от лексико-грамматических и структурно-фонетических условий), сколько усиливающимся влиянием русского языка на белорусский в условиях белорусско-русского двуязычия.

Несоответствие основных параметров функционирования флексии *-у* в п. п. ед. ч. существительных м. р. в русском и белорусском языках дает основание предполагать своеобразие употребления форм на *-у* в русской речи белорусов-билингвов. С этой целью была составлена анкета на основе данных «Вопросника по современной русской морфологии»⁶ и ГП. Материал отбирался с позиции русского языка, поэтому он ограничен 24 словами, что составляет 20,9 % существительных, которые в п. п. могут иметь флексию *-у* (по перечню ГП). Анкета состоит из двух частей. В I части предлагается поставить окончания п. п., во II части — выбрать из предложенных сочетаний с формами на *-у* и *-е* более правильный вариант.

Было проанкетировано 308 белорусов, язык которых характеризуется полным билингвизмом, и 43 русских, проживающих на территории Белоруссии, и проанализировано 8306 словоформ п. п. от белорусских информантов и 1144 словоформы от русских⁷. Общая частотность функциональной нагрузки флексий *-у* и *-е* в русской речи белорусов представлена следующими величинами: флексия *-у* — 0,641 (5322 словоформы), флексия *-е* — 0,343 (2850 словоформ), дублетные формы на *-у* и *-е* — 0,016 (134 словоформы). В речи русских информантов частотность флексии *-у* равна 0,649 (742 словоформы), флексии *-е* — 0,334 (382 словоформы), дублетные формы — 0,017 % (20 словоформ).

Для выявления роли синтаксического контекста в распределении флексий *-у* и *-е* в анкету вводились предложения и словосочетания с обстоятельственным и объектным значением форм п. п. Белорусы и русские дифференцируют употребление форм на *-у* и *-е* в зависимости от контекста. Это хорошо видно на примере лексем *снег* и *клей*.

В первом контексте для слова *снег* с очевидным обстоятельственным значением (*Вороны ищ.. корм в снег...*) частотность флексии *-е* равна 0,003 у белорусов (у русских флексия *-е* отсутствует). В контексте с объектным значением, которое осложнено и обстоятельственным оттенком (*Художники ищ.. чего-то в снег...*), флексия *-е* имеет уже значительную употребительность (0,289 у белорусов и 0,279 у русских), в контексте с объектным значением (*Живописности в снег.. нет*) она становится основным вариантом (0,674 у белорусов и 0,705 у русских). Интересно отметить, что такая же частотность форм *в снеге* — *в снегу* в зависимости от контекста приводится и в монографии «Русский язык по данным массового обследования»⁸. Ср.: в I контексте частотность флексии *-е* равна 0,022, во II — 0,250; в III контексте — 0,621. В I контексте расхождение между этими величинами составляет 0,019, во II — 0,039, в III контексте — 0,053. Аналогичное распределение флексий *-у* и *-е* проявляется и в контексте *сделано на клее* или *сделано на клею*. В русской речи белорусов частотность формы *на клее* равна 0,375 (115 словоформ), *на клею* — 0,599 (184 словоформы), дублетные формы *на клее* и *на клею* — 0,026 (8 словоформ). В речи русских соответственно: 0,302 (13 словоформ), 0,651 (28 словоформ) и 0,047 (2 словоформы). По-видимому, относительно небольшая частотность флексии *-е* в данном контексте объясняется тем обстоятельством, что форма *на клею* превращается в онареченное сочетание⁹ и таким образом выпадает из живых синтаксических связей. Так как основные контексты имели обстоятельственное значение с возможным осложнением объектного значения, то все они включены в общий анализ материала, в том числе и контексты для лексем *снег*, *клей*.

В состав исследованных лексем вошли имена разной нормативной характеристики с точки зрения употребляемости вариантов п. п.: существительные, образующие форму п. п. только при помощи флексии *-у* (*год, ров*), существительные с преимущественной флексией *-у* в п. п. (*бал, бережок, ветер, луг, мед, мыс, мысок, плот, холм, шкаф*), существительные с преимущественной флексией *-е* в п. п. (*аэропорт, дуб, дым, зоб, клей, крюк, отпуск, пир, стог, цех*), существительное *шлях* с флексией *-е* в п. п.¹⁰.

Приведем основные данные, полученные в результате анализа I и II частей анкеты. Материал I части анкеты показал большую функциональную нагрузку флексии *-у*, чем второй части анкеты. Ср.: в I части анкеты у белорусов частотность флексии *-у* равна 0,702 (3212 словоформ), у русских — 0,706 (447 словоформ); у белорусов частотность флексии *-е* равна 0,296 (1352 словоформы), у русских — 0,281 (178 словоформ); у белорусов частотность дублетных форм равна 0,002 (10 словоформ), у русских — 0,013 (8 словоформ). Во II части анкеты у белорусов частотность флексии *-у* равна 0,565 (2110 словоформ), у русских — 0,577 (295 словоформ); у белорусов частотность флексии *-е* равна 0,401 (1498 словоформ), у русских — 0,399 (204 словоформы); у белорусов частотность дублетных форм равна 0,033 (124 словоформы), у русских — 0,024 (12 словоформ).

Наблюдается очень интересная закономерность в речи белорусов-билингвов и русских в употреблении флексии *-у* в п. п. Выявлена не только одна и та же общая частотность флексии в обеих частях анкеты, но и однотипное распределение по лексемам:

	белорусы	русские
в году	1,000	1,000
в снегу (I)	0,997	1,000
в шкафу	0,980	1,000
в строю	0,977	0,976
в аэропорту	0,971	0,930
на ветру	0,958	0,953
на балу	0,879	0,930
на плоту	0,856	0,907
в дыму	0,836	0,857
на лугу	0,828	0,878
на пиру	0,813	0,814
во рву	0,806	0,727
на шляху	0,789	0,878
в снегу (II)	0,711	0,721
в стогу	0,679	0,714
на клею	0,599	0,651
в цеху	0,539	0,634
на бережку	0,489	0,409
в зобу	0,468	0,575
на мыску	0,379	0,333
на крюку	0,368	0,359
в снегу (III)	0,323	0,250
на мысу	0,307	0,372
на дубу	0,274	0,780
в меду	0,317	0,225
на холму	0,159	0,105
в отпуску	0,124	0,119

Таким образом, в русской речи белорусов и русских с флексией *-у* в п. п. употребляется лексема *год*; с преимуществом флексии *-у* — имена существительные *снег* (I и II), *аэропорт, шкаф, строй, ветер, бал, плот, дым, луг, пир, ров, шлях, стог*; с преимуществом флексии *-е* — слова *мед, дуб, отпуск, мысок, крюк, мыс, холм, снег* (III); с равновероятными формами на *-у* и *-е* — существительные *цех, клей, бережок, зоб*.

Если сопоставить частотности флексий *-у* и *-е*, приведенные в ГП, с полученными данными, то можно прийти к выводу о том, что в речи белорусов-билинггов и русских, проживающих на территории Белоруссии, функциональная нагрузка флексии *-у* в два раза больше. Ср.: в ГП частотность флексии *-у* равна 0,324 (212 словоформ), флексии *-е* — 0,676 (443 словоформы). Это обстоятельство может быть интерпретировано по-разному. С одной стороны, грамматики современного русского литературного языка закрепляют флексию *-у* в п. п. за разговорной, профессиональной или специальной коммуникативной сферой русского языка. Полученные данные отражают разговорную речь и они, возможно, соответствуют реальной функциональной нагрузке форм на *-у* и *-е* в русской речи 80-х годов, ибо ГП отражает публицистический стиль русского литературного языка. С другой стороны, почти равная употребительность форм на *-у* и *-е* у белорусов и русских предполагает иное, на наш взгляд, более правильное объяснение явления. Большая частотность флексии *-у* может быть объяснена влиянием белорусского языка на русский в условиях белорусско-русского двуязычия. Но в отличие от ранее выявленных случаев влияния белорусского языка на русский язык, это влияние сугубо нормативное, во многом гиперкорректное. У белорусов-билинггов и русских, проживающих в республике, происходит сознательное отталкивание от нормы белорусского языка в употреблении флексий *-у*, *-е*. Анкетированные выбирали почти всегда противоположный вариант. Если в белорусском языке слово принимает в п. п. форму на *-е*, то в русской речи белорусов и русских оно употребляется преимущественно с формой на *-у*. Если в белорусском языке существительное имеет в п. п. флексию *-у*, то в речи информантов оно преимущественно употребляется с флексией *-е*. Во время анкетирования можно было слышать реплики заполняющих анкеты: «Это в белорусском языке на *плоте*, а в русском на *плоту*». Своеобразным исключением из правила является употребление флексии *-у* в лексемах *зоб, мед, холм, дуб, мыс*.

Благодаря гиперкорректному отталкиванию от нормы белорусского языка формы на *-у* и *-е* в речи белорусских и русских информантов характеризуются большей традиционностью, чем в нормативных источниках современного русского литературного языка.

¹ См.: Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. — М., 1980. — С. 488.

² См.: Граматыка беларускай мовы. — Мінск, 1962. — Т. 1. — С. 44; Бурак Л. У. Сучасная беларуская мова. — Мінск, 1974. — С. 127; Наркевіч А. І. Назоўнік. Граматычныя катэгорыі і формы. — Мінск, 1976. — С. 107; Сучасная беларуская літаратурная мова. Марфалогія. — Мінск, 1980. — С. 85; Беларуская граматыка. Ч. 1. Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск. — Мінск, 1985. — С. 79.

³ См.: Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. — М., 1976. — С. 136.

⁴ См.: Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. — С. 136. К сожалению, стилистическая характеристика вариантов *-у* и *-е* в разных источниках не отличается единством. Ср.: Грамматика-80, С. 489.

⁵ Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи. — Пг., 1915. — Вып. 2. — С. 30.

⁶ Вопросник по современной русской морфологии / Отв. ред. Мучник И. П. — М., 1963.

⁷ Количественные данные приводятся по социально-профессиональному фактору.

⁸ См.: Русский язык по данным массового обследования. — М., 1974. — С. 174.

⁹ См.: Грамматика русского языка. — С. 488.

¹⁰ Деление на группы условно, так как оно проводится на основании перечня ГП.